

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

МОЦАРТ
НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ С ПОКОЙНЫМ ГОСПОДИНОМ
МОЦАРТОМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Дизайн обложки Александр Воробьев

Радзинский, Эдвард Станиславович.

Р15 Моцарт. Несколько встреч с покойным господином Моцартом / Радзинский Э.С. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 256 с. — (Эксклюзивные биографии).

ISBN 978-5-17-158357-6

Гениальный композитор и дитя Галантного века. То был век салонов, где правили утонченные женщины, век авантюристов и неутомимых сердцеедов, век до сих пор не раскрытых тайн. Одна из них - судьба гения, который потряс современников и до сих пор занимает умы потомков. В книге Эдварда Радзинского - смелые авторские версии, оригинальные трактовки исторических событий. Занавес над тайнами приподнят.

**УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Э.Радзинский, 2023
© ООО Издательство АСТ, 2023

ISBN 978-5-17-158357-6

НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ
С ПОКОЙНЫМ
ГОСПОДИНОМ МОЦАРТОМ

Дневник барона Готфрида ван Свитена

Из письма ко мне пианиста К.

«Я никогда не верил, что Сальери отравил Моцарта. Люди искусства склонны к завышенной самооценке... Если попросить любого из нас чистосердечно ответить на вопрос: “Кто самый-самый?” — почти каждый ответит: “Я!”

Сальери был такой же эгоцентрик, как все мы. Тем более что, в отличие от нас, он имел все основания считать себя первым. Его превосходство было закреплено уже в его титуле: Первый Капельмейстер империи... Его обожали — и публика, и двор. Его признала Европа. Его опера “Тарар” шла при переполненных залах. А поставленный следом моцартовский “Дон Жуан” — провалился. И т.д. Неужели этот самовлюбленный музыкант, да к тому же итальянец... и музыка тогда считалась профессией итальянцев... мог признать первым какого-то неудачника и к тому же немца — Моцарта?.. Да еще настолько позавидовать ему — что отравить? Слухи об отравлении были после смерти Моцарта. Но только безумец мог их связывать с Сальери! Недаром сын Моцарта после смерти отца стал учеником Сальери.

Вы скажете: “Но, говорят, через четверть века после смерти Моцарта сам Сальери признался священнику, что отравил Моцарта. После чего сошел с ума. И попытался перерезать себе горло”.

Если даже поверить в эти слухи, то все происходило совершенно наоборот: Сальери сначала сошел с ума, а потом уже объявил, что отравил Моцарта. Позвольте процитировать то, что писала тогда венская газета: «Нашему многоуважаемому Сальери никак не удастся умереть. Его тело подвержено всем старческим слабостям. Разум покинул его. Говорят, даже в бреду больного воображения он винит себя в преждевременной смерти Моцарта. В этот вымысел не верит никто, кроме самого больного старика...» Кстати, в разговорных тетрадях Бетховена записано обо всем этом: “Пустая болтовня ”...

Но в биографии Моцарта был очень странный поворот. Некое стремительное, таинственное падение его карьеры. В 1785 году публика его обожает, и вдруг... все от него отворачиваются... Это был век коварных интриг. Вспомним сюжет "Свадьбы Фигаро".

Так что вы поймете, что я почувствовал, когда нашел эту рукопись...»

Все началось в старой московской квартире. Было за полночь, когда старик К. — знаменитый пианист, друг Шостаковича и ученик Прокофьева — сел к роялю.

— Сейчас без четверти час, 5 декабря. Именно в это время 5 декабря 1791 года в Вене умер Моцарт. Я всегда отмечаю эту дату.

Но он не заиграл. Он молча сидел за роялем, потом сказал:

— Одна из таких годовщин стоила мне нескольких лет жизни.

Естественно, посыпались вопросы.

— Пожилые люди еще помнят, — начал К., — те удивительные времена, когда в Ленинграде за гроши можно было купить фантастические ценности, награбленные в дни революции из петербургских дворцов. Именно так я приобрел в обычном букинистическом магазине две большие тетради в великолепных обложках красного сафьяна с пожелтевшей от времени бумагой, исписанной бисерным почерком. Рукопись была на немецком. Ее заглавие могло свести с ума любого почитателя Моцарта: «Подлинные размышления барона Готфрида Бернхарда ван Свитена»... Да, да, того самого баронаван Свитена!

Это была загадочная рукопись! В ней было множество фактических ошибок. И в то же время с совершеннейшей точностью цитировались бесчисленные письма Моцарта... Причем и те, которые опубликованы только нынче, только совсем недавно... Я мог часами говорить об этой рукописи, и я рассказывал тогда о ней многим... Но, видимо, слишком многим.

Вскоре я был арестован по совершенно невероятному обвинению... Причем взяли меня знаменательной ночью 5 декабря! Возможно, это был чей-то висельный юмор. Вместе со мной забрали и рукопись... Сразу после смерти Сталина меня освободили... Но рукопись исчезла!.. Мне сказали, что, скорее всего, ее забрал сам Берия... Он был страстный любитель подобных вещей... Возможно, она и была истинной причиной моего ареста... Я много ходил по инстанциям, писал письма — тщетно. И теперь, когда я совсем отчаялся, я дерзнул... Я пытаюсь по памяти восстанавливать текст... И, клянусь, «тень исчезнувшего начинает являться из-под жалкого пера».

Уже уходя, К. обещал показать мне «результаты дерзкой самонадеянности»... Он знал, что я давно пишу книгу о Моцарте.

К. умер через год, и — пусть это не покажется вымыслом — умер 5 декабря 1989 года. И вскоре его вдова переслала мне запечатанный конверт, на котором рукой К. была написана моя фамилия. В конверте была небольшая рукопись с неуклюжим названием «Моцарт — каким он был». В рукопись была вложена биографическая справка, написанная от руки: «Барон Готфрид ван Свитен (род. в 1734 г. в Голландии). Впоследствии переехал с отцом в Вену. Отец — лейб-медик при дворе Марии Терезии — имел огромное влияние на императрицу. Готфрид стал дипломатом, он был послом при многих европейских дворах. Но прославился не только на дипломатическом поприще. Он был великим знатоком музыки. И даже пытался сам сочинять. Автор двенадцати плохих симфоний. Был другом и покровителем Моцарта. На его деньги Моцарт и был похоронен в могиле для бедных на кладбище Санкт-Маркс».

Далее шел текст, дурно отпечатанный на машинке:

«Я, барон Готфрид Бернхард ван Свитен, закончил эту рукопись 5 декабря 1801 года, через десять лет после смерти Вольфганга Амадея Моцарта, императорского придворного

композитора, счастливо развившего свой природный талант и достигшего величайшего мастерства в музыке.

Привожу здесь отрывки из моего дневника с моими размышлениями о событиях, коим я был свидетель».

Из дневника 5 декабря 1791 года

Всю сегодняшнюю ночь я спал. Ночью скончался Моцарт. Его жена Констанца послала за мной служанку, и в три часа пополудни я приехал в его дом на Раухен-штейнгассе в малом доме Кайзера, номер 970. Это была его последняя квартира. Хочу отметить — за свою жизнь в Вене господин Моцарт одиннадцать раз менял жилье.

Моцарт лежал на кровати, я постоял над ним. Его маленькое, столь подвижное тело наконец-то успокоилось. Изящные руки, которыми он вечно что-нибудь вертел — трость, цепочку от часов, — неподвижны. Густые светлые волосы... единственное, что было красивого в его внешности... освободились от парика. Глаза закрыты, эти блеклые, водянистые глаза... которые загорались восхитительным огнем, когда сей маленький человечек садился к роялю. У него странные уши — без мочек. Широкий лоб покато уходит назад, еще более заострившийся после смерти нос продолжает линию лба, отделяясь лишь небольшим углублением...

Птица, птица... Слабо развитый подбородок закрыт повязкой. Рядом на столике — только что снятая с умершего гипсовая маска... Ее снял мой друг граф Деим — владелец галереи восковых фигур... Он, видимо, надумал сделать фигуру Моцарта для своей коллекции.

Вскоре из соседней комнаты появилась госпожа Констанца Моцарт. О, этот мир и вправду театр... Господин Моцарт, столь любивший театр, был бы доволен разыгранной нами сценой. Привожу ее целиком:

Констанца. Я не хочу жить! Он умер! Он умер!

Я. Дорогая госпожа Моцарт... Вы должны жить, у вас двое детей.

Констанца. Я лягу в его постель, я хочу заразиться его болезнью.

(Добавляю, что врачи определили у Моцарта острую просовидную горячку. Болезнь, опасную для окружающих.)

Констанца. А!!! (Рыдает.)

Она безумствовала, доказывая свою скорбь и отчаяние, надеюсь, они были искренни. Я, как и следовало, ее успокаивал. Впрочем, уже вскоре несчастная женщина заговорила о главном в ее нынешнем положении.

Констанца. Он так страдал, что оставляет нас без гроша... Если продать все, что в доме, мы не покроем и части ужасных долгов. Мне даже не на что хоронить его.

Я. Это очень серьезный вопрос, госпожа Моцарт. Мы непременно его обсудим, но сначала успокойтесь и расскажите подробно, как он ушел от нас.

Констанца. Он пролежал в постели две недели. В последнее время из-за отечности ему было трудно поворачиваться. И я сшила сорочку, которую он смог надевать спереди. Но он не капризничал, никого не беспокоил. Наоборот, старался быть весел, хотя тяжело страдал. Только за два дня до смерти он попросил унести из комнаты свою любимую канарейку, он уже не мог выносить даже звука ее пения... Вчерашней ночью ему стало так плохо... я подумала — умрет, но он пережил ночь. Утром попросил дать ему в постель партитуру Реквиема... Его навестили музыканты. Он попросил их исполнить Реквием. И сам напевал арию альты. Его нежный тенор... Еще вчера в это время я слышала его голос...

Я. Держитесь, госпожа Моцарт.

Констанца. У него не было сил, он отложил партитуру и начал плакать. Проклятый Реквием! Его убил Реквием... Я все время вижу тот жаркий день... Вечером кто-то позвонил... Когда я вышла в прихожую...

Я. Вы забыли, несчастная женщина. Все это вы мне уже рассказывали, и не так давно. Вернемся к кончине вашего незабвенного супруга.

Констанца. Потом пришла моя сестра Зофи. Я ей сказала: «Слава Богу, ты пришла. Ночью ему было так плохо. Если сегодня будет так же — он умрет». И Моцарт ей тоже обрадовался: «Милая Зофи! Как хорошо, что вы пришли. Сегодня я умру, и вы сможете помочь во всех заботах моей бедной Штанци...» Потом он попросил положить ему в кровать часы. В театре в тот вечер давали «Волшебную флейту». И он глядел на часы и все представлял, что показывают на сцене... Потом он стал говорить со своим учеником господином Зюсмайером о Реквиеме. Он объяснил ему, как надо завершить Реквием после его смерти. Он все боялся, что заказчик потребует с нас обратно деньги... Потом Зофи сказала, будто идет предупредить мать, что ночью останется у нас... На самом деле я велела ей пойти в собор за священником... Попросить его зайти к нам, как бы случайно. Священник пришел и приготовил его к смерти... Потом стало ему совсем плохо. Доктор Клоссе велел отворить ему кровь. И наложил компресс. После этого Моцарт потерял сознание и уже в себя не приходил... Он все раздувал щеки, видимо подражал литаврам. Без памяти, он продолжал сочинять. Он знал, как мы бедны, и все хотел для нас заработать... Потом я отошла к новорожденному.

(Добавлю: в июле у госпожи Моцарт родился сын. Кажется, у нее было семеро детей, из которых в живых осталось двое.)

Констанца. Зофи рассказала: примерно в полночь Моцарт приподнялся на постели. Он смотрел неотрывно. Видимо, перед ним было какое-то удивительное видение. Потом он снова улегся на постель, отвернул голову к стене и дремал. Зофи окликнула его, он не ответил. Он умер.

Я. Когда это случилось?

Констанца. Зофи тотчас взглянула на часы... Было без пяти час пополуночи.

Она рассказывала все это, по-прежнему визгливо рыдая. Но, рыдая, она следила за мной. Она ждала. Эта несчастная женщина и в скорби своей не могла не думать о насущных заботах. Я пожалел ее и начал сам:

— Я знаю, дорогая госпожа Моцарт, вам не на что хорошо возлюбленного супруга. Я непременно помогу...

Констанца. Бог воздаст вам...

Я. Но, поборов в сердце скорбь, постараемся остаться разумными. Вы совсем молодая женщина, вам не часто приходилось иметь дело с такими печальными обстоятельствами. Позвольте объяснить. После эпидемии чумы наш справедливейший монарх издал строгий закон о похоронах. Похороны имеют четыре разряда: люди знатные, богатые, хоронят своих умерших в отдельных могилах, ставят пышные памятники. Это похороны по первому разряду. Люди нищие обходятся без гробов и хоронят тела в общих могилах. Это похороны по четвертому разряду.

Констанца. Вы... Вы предлагаете...

Я. О нет! То и другое — недопустимые крайности. Я предлагаю нечто среднее. Похоронить незабвенного супруга вашего не как нищего и не как богатого. Но как просто бедного человека... что, как мы знаем, соответствует действительности. Это похороны по третьему разряду: то есть в отдельном гробу, но в общей могиле... Это обойдется всего в восемь флоринов и пятьдесят шесть крейцеров... Добавим три флорина за погребальные дроги... Я охотно передам вам эту сумму.

Констанца. Боже мой... когда у него умер скворец... он похоронил его торжественно... в нашем саду. И похороны скворца обошлись нам в ту же сумму!

Я. Не торопитесь отказываться, госпожа Моцарт. Не только природная бережливость заставляет меня предлагать вам это. Такие похороны привлекут к вам всеобщее сочувствие. Мне будет намного проще добиться для вас пенсии у императора. И ваши кредиторы немедля отстанут от вас. Они поймут, что получить от вас нечего.

Констанца. В общей могиле!.. В общей могиле...

Я. Он был хорошим христианином, то есть скромным человеком. Он одобрил бы такие похороны...

Констанца. Да... Да...

Я. Сейчас постарайтесь подкрепить себя сном, завтра вам понадобятся силы. А я займусь его бумагами.

Так завершилась сцена. После чего она передала мне ключ от бюро французской работы, где лежали его письма и многочисленные партитуры.

И вот тогда я спросил ее о главном: о Реквиеме... Она ответила, что он не совсем закончен... И показала на его пюпитр. На пюпитре я обнаружил листы с его указаниями господину Зюсмайеру, как ему закончить Реквием. Сама же партитура... драгоценная партитура... была разбросана на креслах недалеко от его кровати. Я начал лихорадочно собирать листы и поймал ее взгляд: она была изумлена моим волнением. Я взял себя в руки...

Наконец она ушла. Я остался наедине с ним. С его бумагами. И Реквиемом. 626 — стояла цифра на Реквиеме. Шестьсот двадцать шесть сочинений написал этот человек, чьи дорогие камзолы, которыми он украшал свое жалкое тело, сейчас разбросаны по комнате. Завтра их продадут со всеми вещами, чтобы выручить деньги для вдовы и сирот.

Его прах также исчезнет... Эти могилы для бедняков очищаются каждые семь лет — освобождаются для новых постояльцев. От его земного существования останутся лишь несколько непохожих портретов и эта маска... Одна, хранящая его земной облик. И стоит разбить ее — останется то, что должно от него остаться: только звуки! И это я... я предпринял столь многое, чтобы звуки, рожденные этим жалким человеком, стали воистину божественными. И никто, даже он сам, не подозревал об этом.

Вот о чем я думал, роясь в его бумагах в ту страшную ночь.

И тогда я услышал его голос. Клянусь, отчетливо звучал столь знакомый тонкий голос... этот нежный-нежный тенор. Я обернулся. Моцарт, конечно же, неподвижно лежал на кровати... Но голос... Голос звучал... И в неверном свете

канделябра его камзол и парик, валявшиеся на клавишине, показались мне музыкантом, в отчаянии упавшим головой на клавиши... Я заставил себя продолжать разбирать бумаги. Это были его письма. Вся его переписка с отцом... Вся его жизнь — в этих письмах. И тут я все понял! Да! Да! Это письма. Я читал его письма — оттого я слышал его голос... Все дело в моем безукоризненном слухе! Все услышанные звуки вечны в моей памяти. И письма рождали голоса... Вот густой бас старого Моцарта. Ну, конечно! А это тенор самого Моцарта... И опять звучит старик Моцарт... Я хорошо его знал. Во время поездок в тихий Зальцбург к моему другу архиепископу я неизменно встречался с Леопольдом Моцартом. Он был отличный музыкант — придворный композитор зальцбургского архиепископа. И мы подолгу беседовали с господином Леопольдом о его сыне. И вот сейчас в воспаленном моем мозгу звучали наши беседы. Кстати, вспомнил! Старый Моцарт говорил мне: когда он читает письма своего мальчика, он тоже всегда слышит его голос... Клянусь, это была волшебная ночь, самая волшебная в моей жизни.

Утро. Вернулся домой, с любопытством отыскал в дневнике все записи бесед со старым Моцартом. Особенно примечательны показались две беседы. Привожу их с сокращениями.

Из дневника 1781–1782 годы (Записано в Зальцбурге)

Леопольд Моцарт. Ему было четыре года, барон, когда я понял: он сочиняет музыку... Однажды я застал его с пером... «Что ты делаешь?» И четырехлетний ребенок ответил: «Я сочиняю концерт для клавира...» Я расхохотался... Это была пачкотня из клякс, поверх которых были написаны

ноты... По детскому неразумению он макал перо в чернильницу до дна. И как только подносил перо к бумаге — падала клякса. И тогда он решительно размазывал ее и уже по ней писал музыку. Но когда я рассмотрел этот узор из клякс, я понял: ноты четырехлетнего мальчика составили сложнейшую музыку. Из глаз моих полились слезы — я возблагодарил Творца. И сказал себе: ты должен посвятить жизнь этому Божьему чуду... Он и вправду был Божье чудо. Все ему легко давалось, и всем он готов был пылко увлекаться. Это главная его черта.

Я. Но пылкость способна увлечь на ложный путь.

Леопольд. Именно, барон. Если бы не строгое воспитание. Я рано научил его упорно и систематически трудиться, обуздывать свою пылкость. И я заставлял его быть скромным, несмотря на все его великие ранние успехи. В детстве он плакал, когда его чересчур хвалили. В семь лет он был уже автором нескольких музыкальных сочинений. Тогда я решил представить его миру. Я взял дозволение у нашего доброго архиепископа, и мы втроем: крошечный Вольфганг, моя дочь и я — отправились по Европе. Две недели мы провели в императорском дворце в Шёнбрунне. Добрейшая императрица Мария Терезия, восхищенная игрой моего мальчика, подарила ему костюм маленького эрцгерцога.

(Добавлю от себя: это был старый, поношенный камзол.)

Леопольд. Мой маленький Моцарт был в нем так забавен: игрушечный человечек в напудренном парике и в красном камзоле со шпагой. Он играл на скрипке, на клавире, который закрывали платком, и на органе. Играл, пока этого хотела публика. Концерты длились по четыре часа. И он часто болел. Я иногда думаю: может быть, поэтому он так плохо рос? Но это был единственный путь. Я не хотел, чтобы он повторил мою жалкую судьбу... Но уже во время этого путешествия я понял, барон, как он опасно пылок. В семь лет он умудрился страстно влюбиться. И в кого бы вы думали? В Марию Антуанетту, нынешнюю королеву французов.

Я. Браво!

Леопольд. Она была прелестной девочкой, чуть постарше Моцарта. И что придумал маленький негодяй? После очередного концерта, награжденный аплодисментами, он вышел из зала и, увидев очаровательную Марию Антуанетту, нарочно грохнулся на паркете. Девочка тотчас бросается к нему, поднимает. И он, будто в благодарность, осыпает ее поцелуями. И тотчас объявляет, что непременно женится на ней — опять же в благодарность за помощь. Но я разгадал его хитрость, заставил покаяться и пребольно выпорол... А потом был триумф в Париже...

В Париже я велел награвировать четыре его сонаты. И это в возрасте восьми лет... Как сейчас вижу: он стоит у королевского стола, и королева передает ему лакомые кусочки. Но больше всего ему понравились королевские дочери. Они охотно его целовали. В восемь лет он обожал, когда его целовали женщины. И когда всемогущая мадам Помпадур — высокая, видная блондинка — не захотела его поцеловать, он с возмущением воскликнул: «Да кто она такая?! И как она смеет не захотеть меня целовать, если меня целовала сама королева?!» И мне опять пришлось его выпороть — за дерзость... и пылкость. Когда мы вернулись в Зальцбург, покорив Европу, архиепископ запер его в своем дворце и предложил ему написать музыку к первой части оратории «Долг Первой заповеди». Он не верил, что мой мальчик все сочиняет сам... Мальчик начал сочинять... Он произнес слова Первой заповеди: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем... и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всей крепостью твоею», и понял, что Он с ним... Вольфганг блестяще справился с заданием... Я воспитывал его в беспредельной любви к Творцу, и это много раз спасало и еще спасет его... Когда ему было двенадцать лет, наш новый монарх — император Йозеф — заказал ему оперу... Мальчик был счастлив: опера — это вершина музыкального искусства! И он написал ее... Но премьеры не случилось. Он рыдал! Он не мог понять, что произошло. Так в двенадцать лет он столкнулся впервые с человеческой завистью. Господа музыканты испугались конкурента. Не-

видимая «музыкальная преисподняя» распространила о его опере зловердные слухи. И великий Глюк, имевший такое влияние на императора, не захотел даже взглянуть на партитуру и объявил издевательством саму идею заказывать оперу мальчику... Мальчику?! Да он в семь лет умел делать то, что другие композиторы — заканчивая жизнь! Я часто ему объяснял: «Полагайся только на Бога! Все люди — сволочи! Чем старше станешь — тем яснее это будет для тебя!»

(Добавлю: он рано научил мальчика видеть всегда и во всем интриги.)

Леопольд. Но все эти поездки по Европе были лишь подготовкой к одной великой поездке. Именно! Италия! Земля обетованная музыки! Если немецкий музыкант хочет занять должность при дворе, он должен получить признание в Италии. И мы поехали. Уже в Мантуе газеты написали: «Этот мальчик затмит всех!» В Милане нам дали удобное пристанище в монастыре. Была зима. У моего мальчика чувствительнейшее тело — и он был счастлив, когда по возвращении с концерта находил нагретой постель. Это мелочи для другого, но они важны для деликатных натур. В Милане послушать мальчика собралась вся знать Ломбардии. Были исполнены три арии, сочиненные Вольфгангом. Одна потрясла даже меня. Эту большую арию он написал на знаменитый текст великого Метастазіо «Несчастный мальчишка» (К. 77).

(Замечу: старик прав. Многие обращались к этому знаменитому тексту. Но никто никогда... не достиг такой возвышенности. «Несчастный мальчишка»!

Неужели уже тогда он сам это почувствовал?.. Да, он так никогда и не стал взрослым. Прежде я думал, что в этом виноват его отец, столь долго его опекавший. Теперь думаю иначе. Это — его суть: с рождения до смерти он — несчастный мальчишка!)

Леопольд. Чтобы не томить вас, барон, я описываю лишь некоторые его триумфы... Мы поспешили в Рим. Как вы знаете, на Страстной неделе в Сикстинской капелле исполняют великое «Мизерере». Я помню, как мой